

КАЙКАВСКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК И ЕГО МЕСТО СРЕДИ ДРУГИХ СЛАВЯНСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ МИКРОЯЗЫКОВ

Традиционная генеалогическая классификация славянских языков, базирующаяся на известной трехчленной схеме, включает, как и любая другая лингвистическая классификация, языки как совокупность прежде всего говоров и диалектов. Лишь изредка в некоторых классификациях отмечается также наличие литературной формы в том или ином языке, т. е. того, что в лингвистике известно под названием *литературный язык*. Обычно это бывает, если говорить о славянской классификации, в случаях, когда один язык обладает двумя литературными формами, т. е. двумя литературными языками, как, например, серболужицкий, из которого вычлениют верхнелужицкий и нижнелужицкий литературные языки, и сербско-хорватский, представленный в двух литературных разновидностях — сербско-хорватской (или сербской) и хорватско-сербской (или хорватской). Но и такие указания, как мы уже отметили, делаются лишь от случая к случаю. Быть может, это одна из причин того, что исследователи проходят обычно мимо вопроса о соотношении языков как совокупности говоров и диалектов и языков с лингвистической семьей *литературные языки*. Такое соотношение, как это видно на приведенных примерах с серболужицким и сербско-хорватским языками, оказывается не столь простым, а если иметь в виду количественную сторону — то и неполным. Литературных языков оказывается значительно больше, чем просто языков. Численное превосходство первых возникает, помимо отмеченного, за счет так наз. *литературных микроязыков*, которые генетически в большинстве случаев восходят к известным языкам, отражающимся в лингвистических классификациях.

Вопросы формирования и развития славянских литературных микроязыков практически еще не исследованы, да и сам их более или менее полный состав известен очень небольшому кругу славистов. Между тем существует настоятельная необходимость систематического и глубокого изучения этой частички славянского языкового мира.

Предварительно мы бы определили понятие *славянские литературные микроязыки* как литературные языки, имеющие письменную форму, (как правило, нестрогую и даже так наз. свободную) норму, использующиеся (обычно ограничено по сравнению с национальным литературным языком) в ряде сфер традиционного применения литературных языков, диалектно связанные с более или менее обособленной территорией, которыми пользуются сознающие свою языковую или этничес-

кую специфичность группы или ответвления от ряда известных славянских этносов, обладающих своими (национальными) литературными языками.

Элемент *микро-* в составе терминологической части *микроязык* призван подчеркнуть лишь экстралингвистические (хотя, правда, далеко не все и далеко не так последовательно) характеристики такого языка, т. е. небольшой ареал распространения, небольшое количество носителей, скромные возможности использования и под., в то время как внутрilingвистические характеристики этих языков часто могут соотноситься с соответствующими характеристиками национальных литературных языков.

Литературные микроязыки в славянском языковом мире — явление не новое. Их предшественники — различного рода региональные литературные языки, бытовавшие у некоторых славянских народов до появления общенационального литературного языка. Каждый из них претендовал на роль общего языка формирующейся славянской нации. Так, у словенцев конкуренция проходила между областными языками на доленской, горенской, штирийской, корошской (каринтийской) и прекмурской (замурской) основах¹, пока к началу XIX в. не возобладали первые две основы, синтезированные в одной научной грамматике нового литературного языка, созданной Е. (Б.) Копитаром в 1808 г. Создание общенационального литературного языка обычно рассматривается как время прекращения конкуренции и вообще существования региональных литературных языков. Так было с большинством указанных языков, однако далеко не со всеми. Из словенских региональных литературных языков в посленациональный период, наряду с национальным литературным языком, продолжал существовать *прекмурско-словенский* (или замурско-словенский) региональный *литературный* язык, или *микроязык*. В качестве причин, поддерживавших функционирование этого микроязыка вплоть до второй мировой войны, были: первоначальная сложность процесса создания словенского литературного языка на известных диалектных основах, появление различного рода его реформ и в последующие периоды, с одной стороны; стремление сохранить собственные традиции, а также давление политических условий, оторвавших Прекмуре от основной словенской территории, — с другой.

Территориальная изолированность, слабая связь с прародиной, давление местных социальных условий и культурной традиции вызвали к жизни в середине XIX в. так наз. *банатско-болгарский литературный микроязык*, использовавший, в отличие от собственно болгарского литературного языка, латинизированную графическую систему, а в грамматическом и лексическом отношении пронизанный массой заимствований из румынского и венгерского языков. На этом литературном микроязыке издана достаточно богатая учебная, религиозная и художественная литература, а также выпущена различного рода периодика.

¹ Н. И. Толстой. Славянские региональные литературные языки и их функции в современный и донациональный период. — В. кн.: Славянские литературные языки в донациональный период. (Тезисы докладов). М., АН СССР, 1969, стр. 15.

Банатско-болгарский литературный микроязык так же просуществовал до конца второй мировой войны.

Известен ряд других попыток литературного микроязыка, созданных либо до, либо после возникновения общенационального литературного языка.

К современным славянским литературным микроязыкам относятся:

Югославо-русинский (бачско-русинский, бачско-сремско-русинский или просто русинский) в Бачке, Среме и Славонии, которым пользуются около 30 тыс. человек; основные культурные центры — Руски Крстур и Нови Сад; возник в начале XX в.; это язык школы, радио, телевидения, печати — учебной, художественной и научной (выходит еженедельная газета «Руске слово», несколько журналов: литературно-художественный «Шветлосц», для школьников и молодежи — «Пионирска заградка» и «Мак»; орган Общества русинского языка и литературы — «Творчосц»; ежегодник «Народни календар»; в Хорватии — журнал «Нова думка» и др.); генетическая основа этого языка до конца не выяснена, хотя были попытки рассматривать его и как восточнославянский и как западнославянский;

Кашубский — в гданьском (Gdańsk), быдгощском (Bydgoszcz) и кошалинском (Koszalin) воеводствах Польши; культурный центр кашубов, насчитывающих в настоящее время около 300 тыс. человек, Гданьск; язык художественной литературы, периодики (издается журнал «Pomerania»); возникновение как литературного языка относится к XV—XVI в.; в генетическом плане — это западнославянский язык, относящийся к лехитической подгруппе;

Градишанско-хорватский — в Австрии, преимущественно в земле Бургенланд (Градище) и в Вене; около 35 тыс. человек; культурные центры — Железно (Željezno — Eisenstadt), в определенной мере также Вена; язык школы, печати — издается учебная, художественная и научная литература, периодика (газета «Hrvatske novine», студенческий журнал «Novi Glas», религиозные газеты, ежегодник-календарь «Gradišće»); возник в XVI в.; в генетическом плане — чакавский диалект хорватско-сербского языка;

Молизско-хорватский (молизско-славянский) — в Италии, в области Молизе (три села: Acquaviva Collecroce, Montemitro, San Felice del Molise); около 5 тыс. человек; издана небольшая литература и периодика (журналы «Naš jezik — La nostra lingua», сейчас издается детский журнал «Modra lasta — Rondinelle azzurre», ежегодник-календарь); первые попытки литературного языка относятся к середине XIX в., возрождение идеи падает на 60-ые гг. нашего века; в генетическом плане — штокавский диалект икавского типа с примесью чакавских элементов.

Подробнее о молизских хорватах, становлении развития у них идеи литературного языка, начиная с XIX в. и кончая современностью, см. в нашем очерке: А. Д. Дуличенко. Славянские литературные микроязыки. (Вопросы формирования и развития). I. Попытки молизско-

-славянского литературного языка в Италии. — В сб.: Проблемы описания системы языка и ее функционирования. (Ученые записки Тартуского университета. Выпуск 486. Труды по русской и славянской филологии. XXX). Тарту, 1979, стр. 56—99. Здесь же и образцы текстов на молиско-хорватском/молиско-славянском литературном микроязыке.

Чакавский — распространен в настоящее время на побережье Адриатического моря от Пелешца до Истрии (по всей Истрии; кроме ее запада и некоторой части севера), в Хорватском Приморье; основной культурный центр — Сплит, для северной чакавщины — Риека; памятники с XII—XIII вв., расцвет литературы начинается с XV в.; генетически один из трех основных диалектов хорватско-сербского языка;

Кайкавский — распространен на территории бывших комитатов Загребского, Вараждинского, Бьеловарско-Крижевацкого; в Меджимурье, местами также в Истрии и Горском Котаре; культурный центр — Загреб; возникновение относится к XVI в.; в генетическом плане — один из трех основных диалектов хорватско-сербского языка.

Известна попытка так наз. *ляиского литературного языка* на основе смешанных (или переходных) чешско-польских говоров Силезии, предпринятая в 30-х гг. нашего столетия поэтом Ондрой Лысогорским (Ondra Lysohorsky); графика аналогична той, что принята в серболужицких языках; издана небольшая литература — преимущественно поэтические произведения О. Лысогорского.

Представленные здесь славянские литературные микроязыки не образуют единства ни в структурном, ни в функциональном отношении. Напротив, в этом плане выделяются две группы: русинский, градицанско-хорватский и молиско-хорватский, с одной стороны, и кашубский, чакавский и кайкавский (ляшский — несколько особый случай) — с другой. В чем это конкретно проявляется, покажем на примере кайкавского литературного языка.

Но прежде следовало бы внести ясность в вопрос о том, откуда следует начинать историю кайкавского литературного языка и как называть созданную на нем литературу.

Известный лингвист Далибор Брозович в статье «O karakteru kašupske književnosti» (как, впрочем, и в ряде других работ) пишет:

»Dijalektalna književnost nije svaka književnost pisana u dijalektu, nego samo onda kad dijalekt kao sredstvo izražavanja koegzistira sa standardnim jezikom*«.

И далее весьма странно звучит следующее утверждение:

»Prema tome ona ne predstavlja posebnog organizma koji bi imao kakvu autonomiju unutar dane književnosti ili figurirao kao njezin adneks.«¹

В соответствии с этим автор считает, что нет, например, антологии кайкавской или чакавской поэзии (или литературы), а есть лишь антология хорватской поэзии (или литературы), написанной на кайкавском

* Здесь standardni jezik то, что мы называем национальным литературным языком или общенациональным литературным языком.

¹ Dalibor Brozović. O karakteru kašupske književnosti. — Studia z filologii polskiej i słowiańskiej. 5. Warszawa, 1965, str. 247.

или чакавском диалектах. Такое понимание близко, по-видимому, составителю недавно вышедшей антологии »*Suvremeno kajkavsko pjesništvo*«¹ Звонко Ковачу, который в предисловии, написанном на кайкавском литературном языке, пользуется терминами типа: *hrvatsko pjesništvo kajkavske podloge, novejša hrvatska književnost kajkavske podloge, hrvatska lirika kajkavske jezične osobitosti*¹.

Вряд ли справедлив такой подход к достаточно хорошо известному в славистике кайкавскому (и чакавскому) языковому и литературному организму.

Более удачной представляется точка зрения исследовательницы кайкавской литературы Ольги Шоят, которая составила недавно выпущенную антологию »*starije hrvatskokajkavske književnosti*«². Термином *hrvatskokajkavska (književnost)* подчеркнута (хотя и несколько условно) непрерывность литературного процесса на кайкавском от ее зарождения до наших дней. Подчеркивается этим и непрерывность кайкавского литературного языка. Иными словами, кайкавская литература XVI — первой трети XIX вв. (т. е. до времени появления общенационального литературного языка на штокавской основе) — это и собственно кайкавская и одновременно хорватская литература; что касается современной кайкавской литературы, сосуществующей наряду с литературной на штокавской основе, то и она, являясь составной частью хорватской литературы, представляет собой одновременно достаточно специфический (по сравнению со штокавской литературой) организм, особенность которого определяется прежде всего языком. В свете сказанного, история кайкавского литературного языка начинается не после того момента, когда создан национальный литературный язык и снова возобновилась кайкавская культура, а раньше, начиная, по крайней мере, с XVI в., что, собственно говоря, и подчеркивается обычно в общих работах по кайкавскому литературному языку, а также в лингвистических справочниках³.

Аналогичная ситуация и в случае с чакавским литературным языком.

Каково же место кайкавского литературного языка среди других славянских литературных микроязыков? Прежде всего рассмотрим этот вопрос, опираясь на чисто лингвистический материал.

Среди славянских литературных микроязыков имеются языки с тенденцией к более или менее строгой норме и языки, которые обладают так наз. свободной, или окказиональной нормой. Так, первая тенденция отражается в таких микроязыках, как русинский, градищанско-хорватский и (в меньшей мере) в молизско-славянском.

¹ Zvonko Kovač. Namjesto recenzije — riječ predgovarajuća. — *Suvremeno kajkavsko pjesništvo*. I. — U čas.: *Kaj*, god. IX, Zagreb, 1976, br. 1—2, str. 3—5.

² Olga Šojat, *Izbor iz starije hrvatskokajkavske književnosti*. (16. stoljeće). — *Kaj*, god. XIII, Zagreb, 1975, br. 9—10.

³ См., например, статью »*Kajkavski književni jezik*«³ в изд.: R. Simeon. *Enciklopedijski rječnik lingvističkih naziva*. I. Zagreb, Matica hrvatska, 1969, str. 627.

Русинский уже сейчас можно считать языком с достаточно четко установившейся нормой. Ее основа — крстурская разновидность языка бачско-сремских русин, которая, правда, лишь незначительно отличается некоторыми фонетическими и лексическими признаками от другой разновидности — куцурской. Развитие этого языка и его нормы проходит как за счет собственных внутренних средств, так и за счет достаточно интенсивных заимствований (особенно новой лексики) из сербско-хорватского и украинского языков. Грамматические нормы русинского языка впервые были определены в 1923 г. Габором-Гавриилом Костельником в его книге «Грамматика бачваньско-рускей бешеди» (Сремски Карловци, 1923), а после войны — в «Правописе руского языка» (Нови Сад, 1971) Миколы М. Кочиша и в ряде школьных грамматик для русинской школы этого же автора, после чего стало возможным работать над составлением и публикацией русинских словарей, например, «Приручни термилошки речник српскохрватско-русинско-украјински» (Нови Сад, 1972) Миколы М. Кочиша. В настоящее время готовится сербскохорватско-русинский словарь на 80 тыс. слов (образцы из этого словаря помещены в журнале — органе Общества русинского языка и литературы «Творчосц», Нови Сад, рок II, 1976, число 2, стр. 65—92)¹.

Градицанско-хорватский литературный язык менее нормирован, однако и здесь наблюдается тенденция к установлению единой нормы, причем значительно приближенной к нормам хорватско-сербского литературного языка. В этом направлении большую роль сыграли изданные в XIX и XX вв. школьные учебники, а также «Slovnica hrvatskoga jezika» (Győr, 1919) Мате Милорадича, составленный после войны «Kratk pravopis (po dru Boraniću» (Željezo, 1965) Игнаца Хорвата и школьный учебник «Naš jezik» (Beč, 1960) Конрада Мершича. В настоящее время градицанские хорваты совместно с сотрудниками Института языка Югославянской академии наук и искусств ведут работу над составлением основ грамматики градицанско-хорватского литературного языка, а также словаря с толкованием слов на хорватско-сербском и немецком языках. Все это, вероятно, устранил все еще наблюдающиеся диалектные колебания.

Что касается *молизско-хорватского литературного микроязыка*, то он создается не на столь пестром в диалектном отношении материале, как

¹ Подробно вопросы о русинском литературном микроязыке рассматриваются в ряде работ автора настоящей статьи: Становление и развитие русинского литературного языка в Югославии. — Советское славяноведение, Москва, 1972, № 3, стр. 38—50; К вопросу о литературно-письменном и народном языке у бачско-сремских русин в XVIII—XIX вв. — Сборник за филологију и лингвистику, Нови Сад, Матица српска, 1971, т. XIV, кн. 2, стр. 61—69; 3 истории формирования руского литературного языка. — Нова думка, Вуковар, рок II, 1973, число 4, стр. 46—47; Г. Костельник и його «Грамматика бачваньско-рускей бешеди» (3 нагоди 50-рочниці од ей виходзенья). — Шветлосц, Нови Сад, рок XI, 1973, число I, стр. 67—76; Литературний русинский язык Югославии. (Очерк фонетики и морфологии). М., АН СССР, 1973; Прегляд сучасних питаньох виучованя языка югославянских Руснацох. — Творчосц, Нови Сад, рок I, 1975, число I, стр. 14—27 и др.

градищанско-хорватский. Все три молизских села фактически едины в диалектном отношении (имеются лишь незначительные лексические отличия). Попытка определить нормы этого нового литературного микроязыка была предпринята (правда, весьма слабо) в 1968 г. Божидаром Видовым изданием школьной «Gramatike ikavsko-štokavskoga govora molizanskih Hrvata u srednjoj Italiji» (Grottaferrata; текст параллельно на итальянском языке; второе издание вышло в Торонто в 1974 г.); в 1972 г. этот же автор издал первый итальянско-молизско-хорватский и молизско-хорватско-итальянский словарь с привлечением параллелей из хорватско-сербского языка («Vocabolario del dialetto delle localita dell' isloa linguistica croata nel Molise...»). Источником развития молизско-хорватского служит преимущественно хорватско-сербский и итальянский литературные языки.

Так наз. свободная, или окказиональная, норма характерна для кайкавского литературного микроязыка, а также чакавского и кашубского. Дело в том, что в этих микроязыках понятие нормы индивидуализировано, т. е. каждый, кто участвует, например, в *кайкавском культурно-литературном и языковом процессе*, пользуется в основном своим родным говором. Эта необычная для национальных литературных языков ситуация вызывает множество самых различных толкований и предложений. Так, имея в виду этот момент, а также ущербность термина *диалект* для явления, претендующего на звание *литературный язык*, составитель «Antologije hrvatskog dječjeg kajkavskog pjesništva» Эрнест Фишер предлагает кайкавский называть термином *nestandardni jezik*:

«Osobno pak smatramo, da bi i sam ovaj odiozan i brojnim nesporazumima opterećen termin — «kajkavski dijalekt» — valjalo zamijeniti prikladnijim i točnijim — *nestandardni jezik* (kajkavske podloge), jer bi se na taj način udovoljilo i zahtjevima jezične zbilje...»¹

Термин *nestandardni jezik* отражает диалектную (говорную) гетерогенность кайкавского литературного микроязыка и в то же время указывает на его отношение к стандартному, т. е. нормированному хорватско-сербскому литературному языку. Однако это справедливо (пока!) лишь по отношению к новому периоду кайкавского литературного языка и кайкавской литературы. Если же понимать кайкавский языковой и литературный процесс как непрерывность, то картина в этом отношении оказывается не такой простой.

До появления литературного языка на штокавской основе кайкавский литературный язык был нормированным, *nestandardnim jezikom* для этого периода его назвать нельзя. Правда, нормы эти были, конечно, не так строги, какими они становились у большинства литературных языков спустя десятилетия и столетия их развития. Т. Маретич в своей «Historiji hrvatskoga pravopisa latinskijem slovima» (1889) выделил на ос-

¹ Ernest Fišer. Uprizorenje hrvatskog dječjeg kajkavskog pjesničkog stvaralaštva. — Antologija hrvatskog dječjeg kajkavskog pjesništva. — U čas.: Kaj, god. IX, Zagreb, 1976, br. 3—5, str. 45.

нове фонетических признаков две диалектные основы в языке старых кайкавских писателей — северо-западную и восточную с различием соответственно *č* — *j* и *ć* (*č*) — *đ* (*dž*); последний признак, характеризует, например, произведения Ивана Пергошича (1574), Петра Петретича (1651), Балтазара Миловца (1661), Симона Сидича (1693), Михаила Шимунича (1697), М. Шилобада (1758), Ёсипа Врачана (1823), Томаша Миклоушича (1821) и др.

А. Белич указал на тяготение старых кайкавских писателей и поэтов к единому литературному языку:

»Mora se napomenuti, da su kajkavski pisci, koji su bili mahom duhovna lica, osjećali, da njihov književni jezik ima lokalnu boju, i upućivali su obično, da se njihovo *e* (mjesto poluglasnika) zamjenjuje vokalom *a*, pa će se dobiti opći književni jezik (neki su dodavali i *i* mjesto jata)«¹.

Однако А. Белич недооценивал достижений кайкавских писателей и поэтов в этом направлении («u tom pravcu nije ništa urađeno»), а отход того или иного писателя (например, Юрая Хабделича) от определенной говорной основы принимал за «prirodnu mješavinu narodnih govora», а не за «književni produkt».²

Новейшими исследованиями (Антуи Шоят, Ольга Шоят, Йосип Вончина, Звонимир Юнкович и др.) установлено, однако, что кайкавский литературный язык старшего периода выработал свою норму, причем некоторые кайкавские писатели стремились сохранить «чистоту» кайкавского литературного языка, другие (например, писатели так наз. «ozaljskog jezično-književnog kruga») шли по пути контакта с чакавским и штокавским, элементы которых и вносили в свои произведения.

Уже в первой печатной кайкавской книге «Decretum» (1574) Ивана Пергошича, которая является переводом с венгерского, создано большое число новых слов — преимущественно терминов по правоведению. Зачатки филологической работы над кайкавским словом можно увидеть и во второй по времени появления кайкавской книге — «Kronika» (1578) Антуна Врамца, в которой автор обильно толкует кайкавизмы эквивалентами из других диалектов; в 1670 г. появляется первая кайкавская лексикографическая работа — «Dictionar» Юрая Хабделича; в XVII в. составлен и опубликован в 1740 г. словарь Ивана Белостенца (так наз. «Gazophylacium») и др.; в XVIII в. появляются школьные учебники кайкавской орфографии³, а также кайкавские грамматики — Ольга Шоят называет имена Ивана Витковича, Игнаца Сент-Мартони (Ignas

¹ A. Belić. Književni jezik srpskohrvatski. — U izd.: Stanojević St. Narodna enciklopedija srpsko-hrvatsko-slovenačka. II knj. Zagreb, 1927 (?), str. 350.

² См. соответственно: А. Белич. Ibid., str. 350; А. Белич. Kajkavski dijalekat. — U izd.: Stanojević St. Narodna enciklopedija... II knj., str. 228.

³ Очень подробно проанализировано в раб.: Antun Šojat. Kratki navuk jezičnice horvatske. (Jezik stare kajkavske književnosti). — Kaj, god. II—IV, Zagreb, 1969—1971; см. также другую работу этого автора о развитии кайкавской орфографии: Antun Šojat. Pravopis stare kajkavske književnosti. — Filologija, Zagreb, 1970, N 6, str. 265—281.

Szent-Martony), Франьо Корнига, Ивана Эрнеста Матиевича, Ёсипа Джурковечки и Игнаца Кристьяновича¹. Кстати, последнему автору принадлежит и последняя по времени кайкавская грамматика, вышедшая в Загребе на немецком языке². Иван Кристьянович, один из последних и наиболее известных кайкавских писателей XIX в.³, представлял, если так можно выразиться, пуристическое крыло в вопросе о кайкавском литературном языке: он выступал против заимствований штокавизмов и тем самым за чистоту кайкавского слова и за продолжение кайкавской традиции. Эта позиция шла вразрез с предпринятыми реформами Людевита Гая. Однако Игнац Кристьянович вынужден был все-таки принять графику и орфографию Гая и его религиозная книга 1859 г. »Žitek sveteh mučenikov« (и другая книга, появившаяся в 1871 г.), кайкавская по языковой основе, написана в соответствии с все более завоевывавшей позиции гайицей⁴. Идейным предшественником Игнаца Кристьяновича в этом отношении был Томаш Миклоушич, так же выступавший за чистоту кайкавского литературного языка.

По справедливому замечанию Ольги Шоят, кайкавский литературный язык от времени его зарождения и до XIX в. »nije bio neko siromašno, neizgladeno i neizbrušeno narječje, već medij kojim su se — uz manja ili veća odstupanja — služili svi školovani ljudi sjeverne Hrvatske. Pored jezika književnosti, razvijao se... i poslovni jezik (pravnički, matematički, medicinski, administrativni itd.), a postojao je, razumije se, i »horvatski hižni jezik«, to jest jezik kuće i ulice, jezik građana, obrtnika, šegrti i filarki, jezik kojim se Tito Brezovački svjesno poslužio na pojedinim stranicama svoga »Matijaša grabancijaša dijaka.«⁵

Это же подтверждает и Далибор Брозович, когда он пишет, что кайкавский литературный язык представляет собой »civilizaciono-jezičnu nadgradnju, tj. normu, pismo, grafiju, pravopis, intelektualni rječnik, stručni terminologiju, funkcionalne stilove, polivalentnu frazeologiju, strukturu rečeničnog perioda, nove jezične navike...«⁶

Таким образом, кайкавский литературный язык старшего периода, несмотря на наличие отдельных диалектных черт, был языком нормированным и стилистически дифференцированным.

Спад в кайкавском литературно-языковом процессе, наступивший с 70-х гг. XIX в. и длившийся до начала XX в., был вызван, как известно, победой нового литературного языка на штокавской основе. Этот

¹ Olga Šojat. Pregled starije hrvatskokajkavske književnosti od polovice 16. do polovice 19. stoljeća i jezično-grafijska borba uoči i za vrijeme ilirizma. — Kaj, god. VIII, Zagreb, 1975, br. 9—10, str. 21.

² Ignaz Kristianovich. Grammatik der kroatischen Mundart. Zagreb, 1837.

³ См. о нем подробнее: Olga Šojat. O stilu Ignaca Kristijanovića. Prilog proučavanju kajkavskoga književnog izraza. — Kaj, god. I, Zagreb, 1968, br. 3, str. 8—25; ранее работа опубликована в журнале: Umjetnost riječi, god. IV, Zagreb, 1960, br. 3—4, str. 39—55.

⁴ См.: Olga Šojat. Ibid., str. 31.

⁵ Olga Šojat. Ibid., str. 30—31.

⁶ Dalibor Brozović. O ulozi Ljudevita Gaja u završnoj etapi hrvatske jezične unifikacije. — Radovi Instituta za hrvatsku povijest. 3. Zagreb, 1973, str. 42.

не только родного говора, но также и других говоров определенной диалектной территории. К этому добавляется также собственное языковое творчество (неологизмы и т. д.), непременно присутствующее у каждого писателя и поэта. Именно такой путь характерен для Драгутина Домяничча, Николы Павича и некоторых других современных кайкавских поэтов, а ранее на этот путь стал и Мирослав Крлежа, черпавший, правда, языковой материал также и из текстов старой кайкавской литературы.

Приведенный материал показывает, что имеется (хотя и слабая) тенденция к развитию и углублению процесса нормирования современного кайкавского литературного языка. Как быстро будет развиваться эта тенденция и каков будет ее конечный результат, сейчас сказать трудно. Ведь не следует забывать о том, что ей противодействует само назначение кайкавищины как литературно-языкового процесса — выявить специфичное кайкавское на всем распространении кайкавского диалекта, не дать ему исчезнуть бесследно, а взяв — обогатить и региональное, и общенациональную культуру.

Другим показателем процесса создания кайкавской *padgradnji* может служить филологическая работа над составлением словаря кайкавского литературного языка и кайкавской литературы (с штокавским толкованием слов), предпринятая Институтом языка Югославянской академии наук и искусств, поскольку в известном многотомном «*Rječniku hrvatskoga ili srpskoga jezika*» нашла отражение далеко не вся кайкавская лексика¹. Создаваемый кайкавский словарь, несомненно, послужит общим источником языкового материала для современных кайкавских писателей.

Наконец, в указанном направлении (т. е. в направлении создания *padgradnji*) действует и заметно активизировавшийся в последние годы процесс штокавизации говоров кайкавского языкового ареала². Штокавизмы могут быть теми общими элементами, которые будут пронизывать кайкавские тексты независимо от их диалектной (говорной) основы. В произведениях многих современных кайкавских писателей и поэтов отмечены признаки, свидетельствующие о развивающемся процессе штокавизации. Так, у Драгутина Домяничча достаточно последовательно представлено различие *č* и *ć* — черта, говорящая о наклонности поэта к штокавской традиции и штокавскому стандартному языку³. Другие поэты и писатели такого различия не проводят, поскольку оно не характерно для большей части кайкавской языковой территории. У Николы

¹ См.: Božidar Finka. O Rječniku hrvatskoga kajkavskoga književnog jezika. — U knj.: Rasprave Instituta za jezik JAZU. Knj. 2. Zagreb, 1973, str. 193—202 (проект такого словаря); Z. Reizer. Bibliografija izvora za kajkavski rječnik abecednim redom kratica. — U knj.: Rasprave Instituta za jezik JAZU. Knj. 2. Zagreb, 1973, str. 203—254.

² См., например: V. Zečević. Izvještaj o dijalektološkom istraživanju u Senju. — U knj.: Rasprave Instituta za jezik JAZU. Knj. 2. Zagreb, 1973, str. 73—93, и другие работы.

³ См. подробно: Antun Šojat. Jezik Domjanićevih kajkavskih pjesama. — Kaj, god. I, Zagreb, 1968, br. 12.

Павича исследователи отмечают »asimiliranje pojedinih štokavskih leksema«¹.

Штокавизмы, таким образом, »работают« в направлении создания общего и являются свеобразным »мостом«, связывающим три литературно-языковые традиции — штокавскую, кайкавскую и чакавскую. Добавим, что обращение кайкавских (как, впрочем, и чакавских) поэтов и писателей к штокавизмам — явление не новое. Оно было характерно и для старой кайкавской литературы и кайкавского литературного языка — вспомним писателей »ozaljskog jezično-književnog kruga«. По-видимому, это один из естественных, хотя и не главных, источников, к которым в процессе становления и развития обращался и обращается кайкавский литературный язык.

Во многом аналогичная ситуация в отношении нормы характерна и для чакавского литературного микроязыка.

Что касается кашубского, то и он в отношении нормы представлял и представляет сейчас литературный язык прежде всего свободной, или окказиональной, нормы. Так, Флориан Цейнова (Florian Cejnowa, 1817—1881), первый обновитель кашубской литературы и кашубского литературного языка, пользовался в своем творчестве северным наречием, в то время как его последователь, классик кашубской литературы Иероним Дердовский (Hieronim Derdowski, 1852—1902) свою знаменитую поэму »O Panu Czôrlińscim, co do Pucka po sece jachôł« (1880) написал на основе южного наречия — говора родного села Веле (Wiele); поэт Ян Карновский (Jan Karnowski, 1886—1939), автор известного поэтического сборника »Nowotné spiéwë« (1910) и др. поэтических и драматических произведений, писал так же на говоре родного села Брусы (Brusy); современник Яна Карновского — Леон Хейке (Leon Hejke, 1885—1939) возродил кашубское литературно-художественное творчество на северном наречии, что было начато еще Флорианом Цейновой, и т. д.

Однако, как и среди кайкавцев, среди кашубских писателей и поэтов издавна существовало мнение о необходимости преодолеть рамки говора родного региона с тем, чтобы тексты были понятны, по крайней мере, на большей части кашубской языковой территории. (Кстати сказать, исследователи насчитывают 76 говоров кашубского языка!). Так, уже Иероним Дердовский обильно пользовался, идя по пути создания единого кашубского литературного языка, материалом ряда говоров². В поэзии Яна Карновского на брусском говоре (южнокашубского наречия) отчетливо выделяются элементы других говоров и элементы польского литературного языка. Фридрих Лорентц (Friedrich Lorentz), крупнейший исследователь языка и культуры кашубов, считал, что основатель движения младокашубов Александер Майковский (Aleksander Majkowski, 1876—1938) старался »posługiwać się językiem możliwie wolnym od cech

¹ Ernest Fišer. Ibid., str. 71.

² Andrzej Bukowski. Regionalizm kaszubski. Ruch naukowy, kulturalny i literacki. (Zarys monografii historycznej). Poznań, 1950. str. 64—65; см. также: Lech Rądkowski. Zarys historii literatury kaszubskiej. Gdańsk, 1958, str. 20—21.

dialektycznych»¹. Этот же автор, имея в виду развитие кашубской литературы и кашубского литературного языка до 30-х гг. нашего столетия, писал, что »wspólnych, ogólnie zrozumiałych form normalnych jeszcze nie wytworzono. Ale zdaje się, że rozwój stosunków idzie w tym kierunku. W kaszubskich czasopismach ludowych lat ostatnich... zbliżają się formy językowe...«²

И в настоящее время в кашубском ощущается тенденция к унификации. Это исходит от самих кашубских писателей и поэтов, вызывается также все большим распространением кашубской литературы, смешением говоров и достаточно интенсивным влиянием на них польского языка³. Высказывались даже мнения, что в основу единого кашубского литературного языка можно было бы положить картузский говор.

Тенденция к нормированности, проявлявшаяся в кашубском литературно-языковом процессе с XIX в., может быть проиллюстрирована и на примере филологической работы многих поколений кашубов, начиная с Цейновы, создавшего первую кашубско-словинскую грамматику »Zarés do Grammatikj Kašébsko-Słowjnskjè Móvé« (Poznań, 1879), до предназначенной для преподавания кашубской грамматики Ф. Лорентца »Kaschubische Grammatik« (Danzig, 1919). Ф. Цейнове принадлежит одна из первых оригинальных кашубских орфографических систем; впоследствии правописание, сближавшее пишущих по-кашубски, разрабатывалось Ф. Лорентцом (»Zarys ogólnej pisowni i składni pomorsko-kaszubskiej«, 1911), А. Лябудой (»Zasady pisowni kaszubskiej« с орфографическим словариком, 1939) и др. В последние годы специально созданная комиссия по кашубскому правописанию подготовила новый проект кашубской орфографии (1974), а затем, после обсуждения, издала его отдельной книгой: »Zasady pisowni kaszubskiej« (Gdańsk, 1975).

Наконец, немаловажное значение для установления будущих норм имеет словарная работа. Самым значительным достижением здесь является капитальный 7-томный »Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej« (1967—1977) Бернарда Сыхты (Bernard Sychta), из которого кашубские писатели и поэты черпают языковой материал⁴.

* * *

В экстралингвистическом плане между современными славянскими литературными микроязыками также существуют различия. Некоторые экстралингвистические характеристики сближают кайкавский литературный язык с одними языками и отличают его от других.

¹ См.: Friedrich Lorentz. Zarys etnografii kaszubskiej. — Kaszubi. Kultura ludowa język. Toruń, 1934, str. 129.

² Friedrich Lorentz. Ibid., str. 13.

³ См., например: Kazimierz Cysewski. O kaszubskim języku literackim. — Miesięcznik literacki, Warszawa, 1975, N 12.

⁴ Например, Александер Лябуда; см. его подборку короткой прозы »Naji děchë« в жур. »Pomerania«, rok XIV, Gdańsk, 1977, N 4 (75), str. 33 etc.

Советский славист Н. И. Толстой выделил ряд признаков, которыми славянские литературные микроязыки (в его терминологии — славянские региональные литературные языки) противопоставляются национальным литературным языкам. Среди экстралингвистических признаков — неполивалентность одних и поливалентность — других, соответственно жанровая ограниченность и жанровая неограниченность¹. Следует заметить, что по этим же признакам наличествуют противопоставления и внутри самих современных славянских литературных микроязыков. Так, функциональная поливалентность, а вслед за нею и жанровая неограниченность (лучше — жанровое разнообразие или поливалентность!) характерны для таких литературных микроязыков, как югославо-русинский и градищанско-хорватский, в то время как кайкавский, чакавский, кашубский и ляпский функционально неполивалентны и жанрово достаточно ограничены; что касается молизско-хорватского, то он, как думается, пока может быть поставлен в промежуточное положение между двумя отмеченными группами языков.

Функционально поливалентные и жанрово разнообразные литературные микроязыки стремятся в своем развитии приблизиться к уровню национальных литературных языков, что до определенных пределов удается одним и не удается другим. Так, *русинский литературный язык* в настоящее время достиг достаточно широкого круга сфер своего использования. Прежде всего это язык

а) художественной литературы (начиная с поэтической книги «З мойого валала» Г. Костельника, появившейся в 1904 г.);

б) многочисленных периодических изданий (см. выше);

в) другой печати — учебной, административной, научной и проч;

г) основной и средней школы, а также гимназии (в Руском Крстуре); преподается русинский язык и на филологическом факультете Новосадского университета — в так наз. Лекторате за руски язык;

д) радио (передачи с 1949 г.) и телевидения (с 1975 г.);

е) администрации, в частности, в тех местах, где русинское население составляет значительный процент, а также в специфически русинских учреждениях — таких как типография «Руске слово» в Руском Крстуре, издательство «Руске слово» в Новом Саде, русинские редакции Радио Нового Сада и Телевидения Нового Сада, Покрајинског завода за издавање уџбеника (Нови Сад) и т. д.; многочисленных культурно-просветительных и культурно-художественных обществ, Общества русинского языка и литературы (Дружтво за руски јазик и литературу, Нови Сад) и под.;

ж) топографических и иных надписей, особенно в местах, где проживает русинское население, и т. д.

¹ Н. И. Толстой. Указ. соч., стр. 14—15.

Что же касается жанровых возможностей, то русинский литературный язык и их стремительно развивает. До войны русинская литература не выходила из рамок короткого жанра — преимущественно стихов и рассказов. В послевоенное время эта литература выросла до произведений крупного масштаба — повестей и романов: в 1967 г. появился первый роман «Жеми моя» Владо Костелника, в 1972 г. — другой роман этого же автора «Бисерни дражки» (оба составляют первую и вторую часть задуманной трилогии), затем появляются романы Михала Ковача и Штефана Гудака, Евгения Кочиша, Владимира Кирды. Кроме того, в русинской литературе популярны жанры поэмы, басни, новеллы и др.

Возможности *градищанско-хорватского литературного языка*, который в своем развитии проявляет тенденцию к сближению со своим национальным литературным языком — хорватско-сербским, значительно скромнее. Но и то, что есть, достигнуто усилиями носителей этого микроязыка. В настоящее время градищанско-хорватский используется как язык художественной литературы, периодической печати (см. выше), весьма слабо — как язык школы, все еще много препятствий для использования его в администрации и на суде, на топографических и др. надписях и под.¹ В жанровом отношении современная градищанско-хорватская литература также уступает русинской. Помимо обычных коротких поэтических и прозаических жанров, имеются уже, правда, повести: «Od Vulke u Velebit» (1969) Аугустина Блазовича, «Probijanje u vječni led» (1971) Бела Шрейнера и др. Что касается романов, то на градищанско-хорватском имеются лишь переводные, которые обычно печатаются в периодике с продолжениями.

Основные сферы приложения микроязыков, которые мы отнесли ко второй группе, — главным образом художественная литература. Совершенно очевидно, что до появления общего литературного языка на штокавской основе *кайкавский литературный язык* был поливалентен и в жанровом отношении достаточно разнообразен. По материалам, которые хранятся в архивах и библиотеках, исследователи установили, что в самый ранний период на кайкавском «izmjenjivala su se privatna pisma, sastavljali su se razni zapisnici, kupoprodajni ugovori, oporuke i druge isprave... U početku 17. stoljeća domaći su svećenici u Zagrebu održavali propovijedi na kajkavskom jeziku...»²

Ясно, что в отдельные периоды этот язык употреблялся и в ряде других общественных сфер; на кайкавском велось преподавание в шко-

¹ См. в нашей специально этому вопросу посвященной статье: Aleksandar D. Dulićenko. O položaju suvremenog gradišćanskog hrvatskog književnog jezika u Austriji. (Po materijalima «Hrvatskih novina», 1970—1975). — Čakavska rič, Split, 1976, br. I, str. 35—63.

² Olga Šojat. Pregled starije hrvatskokajkavske književnosti, str. 10, 14.

Ценный для изучения кайкавщины материал постепенно издается; см., например, книгу: Krešimir Filić. Varaždinski mesarski ceh. Zapisnici ceha od godine 1589. do uključivo godine 1708. (Povijesni spomenici grada Varaždina. Cehovski spisi. Knj. I). Varaždin, 1968.

ле и издавались различные учебники (см. стр. 13—14), выходила периодика и особенно популярны были календари, из которых наиболее ранний «Novi kalendarijum» (1653), затем «Mesečnik» (1692; позднее выходил под другими названиями) Павла Витезовича и множество других¹. Наконец, достаточно хорошо известна богатая старая кайкавская литература, которую создавали в течение веков десятки поэтов и писателей. В XVII в. распространение получают поэтические произведения Габриэла Юрьевича, Болтижара Миловца, Матияша Магдаленича, поэтов «озальского языкового круга» — Петара и Катарини Зринских, Франа Франкопана; интенсивно в этом столетии развивается и проза, представленная именами Николы Крайчевич-Сарторнуса, Юрая Раткая, упоминавшихся уже Болтижара Миловца, Юрая Хабделича и др., в XVIII—начале XIX вв. особенно популярным был Тито Брезовачки. На рубеже двух этих веков на кайкавском появляются и произведения крупного масштаба — романы, однако не оригинальные, а переводные — с немецкого или венгерского². Кайкавский литературный язык ренессанского периода, т. е. XX века, по совершенно объективным причинам, сузил сферы своего употребления преимущественно до рамок художественной литературы. Основное направление нынешней кайкавской литературы — короткие поэтические (стихотворная лирика) и прозаические (рассказы, пьесы) жанры, в которых работали и работают: Антон Густав Матош, Драгутин Домьянич, Фран Галович, Никола Пувич, Мирослав Крлежа, Иван Горан Ковачич, Томислав Прпич, Миховил Павлек-Мишкина, Степан Бенце, Степан Драганич, Анджегла Вокаун-Докманович, Верица Ячменица, Иван Хорват, Младен Керстнер, Анте Крмпотич, Иво Страхоня и многие десятки других³. Попытки написания произведений более крупного объема пока еще слабы.

Развитие кайкавского литературно-художественного процесса вызвало появление ряда других сфер приложения литературной кайкавщины. Так, в 1968 г. инициативой одного из крупнейших современных кайкавских поэтов Степана Драганича основан литературно-художественный, общественный и научный журнал «Ka j» (Загреб). Впервые кайкавские писатели и поэты получили широкие возможности регулярной публикации новых произведений; журнал стремится также возродить интерес к традициям старой кайкавской литературы, постоянно публикуя тексты и исследования в этом направлении; печатаются интересные

¹ См. об этом подробно: Miroslava Despot. Kalendar, njegov postanak i razvoj. — Kaj, god. V, Zagreb, 1972, br. 12, str. 22—34.

² См. подробнее: Olga Šojat. Pregled starije hrvatskokajkavske književnosti; László Hadrovics. Kajkavische Literatur. Eine Auswahl mit Einleitung, Anmerkungen und kurzem Glossar. Wiesbaden, 1964.

³ Наиболее значительные произведения кайкавской поэзии и прозы представлены в прекрасно изданных антологиях: Podravski krug kajkavskih pjesnika. — Kaj, god. III, 1970, br. I; Panorama novijega kajkavskog pjesništva. — Kaj, god. IV, Zagreb, 1971, br. I; Antologija novije kajkavske lirike. (Uredio Mladen Kuzmanović). — Kaj, god. VIII, Zagreb, 1975, br. 3—5, Suvremeno kajkavsko pjesništvo (I). — Kaj, god. IX, Zagreb, 1976, br. I—2; Primjeri novije kajkavske proze. I. (Izbor: Mladen Kuzmanović). — Kaj, god. VI, Zagreb, 1973, br. 11—12.

материалы и по исследованию кайкавского слова. Журнал организовал весьма плодотворную издательскую деятельность — имеем в виду прежде всего серию кайкавской лирики и прозы в библиотеке «Игнац Кристинович» (затем стала называться «Suvremeni kajkavski pjesnici»).

Развитию кайкавского литературного языка и кайкавской культуры вообще способствует также наличие кайкавских культурных учреждений, среди которых наиболее значительное организованное в 1973 г. культурно-художественное общество «Ксавер Шандор Джалски», с 1974 г. переименованное в общество «Kajkavsko spravišće» — društvo za širenje i unapređivanje znanosti i umjetnosti. Это общество, чьим органом стал журнал «Kaj», видит свою задачу в пестовании кайкавского слова и кайкавской культуры, в организации различных культурных манифестаций, издании произведений кайкавской литературы, организации научных работ, совещаний и т. д.¹ «Kajkavsko spravišće» и журнал «Kaj» стимулируют развитие на кайкавском литературном языке детского литературно-художественного творчества. Так, в журнале «Kaj» за 10 лет его издания опубликовали кайкавские стихи 456 юных поэтов (срав. за этот же период: 97 — взрослых прозаиков, 380 — взрослых поэтов; правда, в обе цифры включены также и авторы, писавшие о прозе или поэзии)². Лучшее собрано в «Antologiji hrvatskog dječjeg kajkavskog pjesništva», составленной Эрнестом Фишером³.

Аналогичные экстралингвистические характеристики имеет и современный *чакавский литературный язык*: художественная литература, специальный журнал «Čakavska rič», другая издательская деятельность, учреждения, занимающиеся пестованием чакавского слова и культуры, — Čakavski sabor в Сплите и т. д.

Существенных отличий в этом смысле нет, когда речь идет о *кашубском литературном языке*: художественная литература (поэзия и проза преимущественно короткого жанра), специальный журнал «Pomerania» (Гданьск), общество Zrzeszenie Kaszubsko — Pomorskie — Gdańsk, издающее указанный журнал и занимающееся другой издательской деятельностью — выпуском книг кашубской литературы и под.

На молиско-хорватском делаются первые литературные пробы (и даже издан первый сборничек лирики молодой поэтессы Милены Лалли «Sfitle 'z naduga», 1972); имеется небольшая периодика (см. выше), в которой печатаются не только литературно-художественные тексты, но и тексты публицистические, научные и информационные на молиско-хорватском; предпринимаются попытки ввести язык как предмет в школу и т. д.

¹ Задачи этого Общества изложены в жур.: Kaj, god. VII, Zagreb, 1974, br. 2, str. 3—4; Kaj, god. VII, Zagreb, 1974, br. 11, str. 3; Kaj, god. VIII, Zagreb, 1975, br. 7, str. 3—4.

² Ivo Šate, Stjepan Draganić. Analitička informacija o časopisu «Kaj» i o posebnim izdanjima (1968—1977). — Kaj, god. X, Zagreb, br. 11—12, str. 82.

³ Kaj, god. IX, Zagreb, 1976, br. 3—5; здесь же (стр. 195—244) и «Dječja bibliografija kajkaviana» (1967—1976).

* * *

Таким образом, опираясь на важнейшие лингвистические (более или менее строгая нормированность — свободная, или окказиональная, нормированность) и экстралингвистические (функциональная поливалентность — неполивалентность, жанровое разнообразие — жанровая ограниченность) признаки, мы попытались определить место кайкавского литературного микроязыка среди современных славянских литературных микроязиков. По первому, лингвистическому, признаку, это язык, проделавший в процессе своего многовекового развития путь от языка с более или менее строгой нормой (XVI—XIX вв.) до языка с так наз. свободной, или окказиональной, нормой (в XX в.). Причем, в новейшее время отмечается, хотя и еще слабая, тенденция к единой норме. По экстралингвистическим признакам кайкавский литературный микроязык шел от функциональной поливалентности (XVI—XIX вв.) к неполивалентности (XX в.), от жанрового разнообразия — к жанровой ограниченности, что было вызвано объективными причинами, главная из которых — формирование и повсеместное распространение общего литературного языка на штокавской основе. Следует добавить, что признак «неполивалентность» уже несколько расшатан: кайкавский литературный язык выходит за пределы чисто литературно-художественного творчества — на нем уже имеется периодика, его пестованием занимается специальное общество «Kajkavsko spravišće» и под. Если брать только современную литературную кайкавщину, то она указанными признаками сближается прежде всего с чакавским, кашубским литературными микроязыками, проявляя, правда, пока еще слабую, тенденцию в направлении к первой группе микроязиков — русинскому, градищанско-хорватскому и молизско-хорватскому. Учитывая эту, хотя и слабую, тенденцию, характерную для настоящего времени, функциональную поливалентность и жанровое разнообразие в прошлом, а также некоторые другие признаки, мы и считаем возможным пользоваться в лингвистических целях по отношению к кайкавскому термином *микроязык*, а не *диалект*. *Письменный диалект* — явление значительно более узкое и ограниченное по сравнению с литературным микроязыком: в нем нет унификационных тенденций в отношении нормы, а предназначение его — чисто литературно-художественное, причем неразрывно связанное с традициями местного фольклора.

KAJKAVSKI KNJIŽEVNI JEZIK
I NJEGOV POLOŽAJ MEĐU DRUGIM SLAVENSKIM KNJIŽEVNIM
MIKROJEZICIMA

(Rezime)

Suvremenim slavenskim književnim mikrojezicima pripadaju: rusinski (Jugoslavija), kašupski (Poljska), gradišćansko-hrvatski (Austrija), molizansko-hrvatski, ili molizansko-slavenski (Italija), čakavski i kajkavski (Jugoslavija), isto tako pokušaj tzv. laškog, ili ljaškog, književnog jezika (Čehoslovačka) i dr. U strukturnom i funkcionalnom odnosu, ovi mikrojezici ne sačinjavaju neku nedjeljivost. Manje-više strogu normu imaju rusinski, gradišćansko-hrvatski i, najmanje, molizansko-slavenski. Što se tiče kajkavskog, čakavskog i kašupskog, oni posjeduju tzv. okazionalnu ili slobodnu normu, tj. ovdje je pojam norme individualiziran: svaki tko sudjeluje, npr., u kajkavskom kulturno-umjetničkom i jezičnom procesu uglavnom upotrebljava svoj materinji govor. Do pojave standarda na štokavskoj osnovi kajkavski je književni jezik bio dosta dobro normiran i stilistički diferenciran (jezik pravnog, medicinskog, matematičkog, administrativnog itd. smjera); leksikografsko obrađivanje kajkavske riječi počinje od 1670. (»Diktionar« J. Habelića); udžbenici kajkavskog pravopisa i kajkavske gramatike javljaju se sve do 30—40-ih godina XIX st.

Opadanje kajkavskog umjetničkog i jezičnog procesa — 70-e god. XIX st. (doba posljednjih kajkavskih radova I. Kristijanovića) i početak XX st. — na bitan način djeluje na suštinu norme kajkavskog književnog jezika: norma postaje slobodna (v. gore). Simptomi se još dosta slabe tendencije u pravcu stvaranja uobičajenih norma kajkavskog književnog jezika ispoljavaju u pokušajima nekih kajkavskih pisaca da pišu s osloncem na razne kajkavske govore (D. Domjanić, N. Pavić) i na jezik stare kajkavske književnosti (M. Krleža); usp. također filološki rad na sastavljanju (povijesnog) rječnika kajkavskog književnog jezika (Institut za jezik JAZU) itd.

Isto tako, među suvremenim slavenskim književnim mikrojezicima ima poznatih razlika i na funkcionalnom planu. Jednima su karakteristične polivalentnost i raznovrsnost žanra — u tome takvi jezici teže ka nivou nacionalnih književnih jezika (rusinski, gradišćansko-hrvatski); primjena se drugih ograničava uglavnom umjetničkom književnošću (kajkavski, čakavski, kašupski). Ali do pojave štokavskog standarda kajkavski se književni jezik karakterizirao polivalentnošću (administracija, državni ured, crkva, škola, izdavački posao itd.) i raznovrsnošću žanra (umjetnička književnost koja je bila predstavljena poezijom, prozom, djelima velikih žanra — romanima, doduše, prevedenim s njemačkog i mađarskog). Kajkavski je književni jezik renesansnog doba suzio, iz razumljivih razloga, djelokrug (sferu) svoje primjene

do umjetničke književnosti. Tek se posljednjih godina kajkavski književni jezik počinje upotrebljavati u nekim novim sferama: u periodici (zagrebački časopis »Kaj«), kulturnim društvima (zagrebačko društvo »Kajkavsko spravišće«), kulturnim manifestacijama (u Zelini, Zlataru i dr.), izdavačkom poslu (časopis »Kaj«, biblioteka »Suvremeni kajkavski pjesnici« i dr.) itd. Slična je situacija karakteristična za čakavski i kašupski književni mikrojezik. Što se tiče molizansko-slavenskog, taj književni mikrojezik, u tome, zauzima središnji položaj među određenim grupama mikrojezika.